

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Татьяна Кучина
Д.ф.н., профессор ЯГПУ

Б.Корман

- *Собственно автор и автор-повествователь.*
- «В стихотворениях, где носителем речи является **собственно автор**, для читателя на первом плане какое-то **событие, обстоятельство, ситуация, явление, пейзаж**»
- **Автор-повествователь**: «рассказывает о каком-то **другом человеке** и его жизненной судьбе. <...> читатель прежде всего видит того, *кто изображен, о ком рассказывается*, и порой вовсе не замечает того, *кто повествует*»

Б.Корман

- **Лирический герой:** одновременно является «и **носителем сознания, и предметом изображения**, он открыто стоит между читателем и изображаемым миром; внимание читателя сосредоточено преимущественно на том, каков лирический герой, что с ним происходит, каково его отношение к миру, состояние и пр.»

Б.Корман

- **Ролевой герой:** носитель **чужого** сознания.
- «“Ролевые” стихотворения **двусубъектны**. Одно, более высокое сознание, обнаруживается прежде всего в заглавиях. Сферой другого сознания является основная часть стихотворения, принадлежащая собственно герою»

С.Бройтман

- 1) Прямые формы высказываний: я, мы, я и мы в одном тексте
- 2) косвенные формы высказываний: субъект речи смотрит на себя со стороны, как на другого (как на ты, он, как на обобщенно-неопределенного субъекта, выраженного инфинитивом, как на состояние, отделенное от его носителя)
- 3) синкретические (внутри одного текста формы и 1-го, и 3-го лица) и диалогические формы: несобственно-прямая речь, игра точками зрения и голосами, ролевая лирика

С.Бройтман

- Максимальное отделение автора от героя
(ролевая лирика)

- Максимальное слияние автора и героя
(автор-повествователь)

С.Бройтман

- Лирическое «я»: выражено грамматически, но при этом не является объектом изображения («Вчерашний день часу в шестом...»).
- Лирическое «я» — **субъект-в-себе**, тогда как лирический герой — еще и **субъект-для-себя**, т. е. он становится собственной темой

Субъект лирики XXI века

- Речь не от себя и не от лирического героя, а от неопределенного субъекта - от «мироздания»;
- Современная личность - это не итог, а процесс: протейстична, текуча, ситуативна.
- Антитеза к поэту-пророку, поэту-жрецу, поэту-трибуну.
- Драфт-поэзия: отсутствие необходимости в чистовике в мире гибридных смыслов и открытых форм.
- Акциональность поэзии (переход в устность, импровизацию, прямой эфир).

Ермолин Е. С поэзией что // Знамя. – 2016. - №9.

Борис Рыжий

Трубач и осень

Полы шляпы висели, как уши слона.
А на небе горела луна.
На причале трубач **нам с тобою**
играл –
словно хобот, трубу подымал.
Я сказал: посмотри, как он низко
берёт,
и из музыки город встаёт.
Арки, лестницы, лица, дома и мосты
–
неужели не чувствуешь **ты?**

Ты сказала: я чувствую город в груди
–
арки, люди, дома и дожди.
Ты сказала: как только он кончит
играть,
всё исчезнет, исчезнет опять.
О, скажи мне, зачем я его не держал,
не просил, чтоб он дальше играл?
И трубач удалялся – печален, как
слон.
Мы стояли у пасмурных волн.

Борис Рыжий Падал снег

И радость посторонняя и боль –
все равно вызывало отвращенье.

И мне казалось даже: нет меня.

Я, вероятно, превратился в ноль.

Я жить ушел в свое стихотворенье –

Погас на пепле язычком огня.

Лирический метагерой: особый характер автокоммуникации –
переживание себя как героя, разыгрывание эстетической дистанции
между автором и героем.

Борис Рыжий Ода

Ночь. Звезда. Милицанеры
парки, улицы и скверы
объезжают. Тлеют фары
италийских «жигулей».
Извращенцы, как кошмары,
прячутся в тени аллей.

Четверо сидят в кабине.
Восемь глаз печально-синих.
Иванов. Синицын. Жаров.
Лейкин сорока двух лет,
на ремне его «макаров».
Впрочем, это пистолет.

Вдруг Синицын: «Стоп, машина».
Скверик возле магазина
«соки-воды». На скамейке
человек какой-то спит.
Иванов, Синицын, Лейкин,
Жаров: вор или бандит?

Ночь. Звезда. Грядет расплата.
На погонах кровь заката.
«А, пустяк, — сказали только,
выключая ближний свет, —
это пьяный **Рыжий Борька,**
первый в городе поэт»

Борис Рыжий

Мой герой ускользает во тьму.
Вслед за ним устремляются трое.
Я придумал его, потому
что поэту не в кайф без героя.

Я его сочинил от уста-
лости, что ли, еще от желанья
быть услышанным, что ли, чита-
телю в кайф, грехам в оправданье.

Он бездельничал, «Русскую» пил,
он шмонался по паркам туманным.
Я за чтением зренье садил
да коверкал язык иностранным.

Мне бы как-нибудь дошкандыбать
до посмертной серебряной ренты,
а ему, дармоеду, плевать
на аплодисменты.

Это, — бей его, ребя! Душа
без посредников сможет отныне
кое с кем объясниться в пустыне
лишь посредством карандаша.

Воротник поднимаю пальто,
закурив предварительно: время
твое вышло. Мочи его, ребя,
он — никто.

Синий луч с зеленцой по краям
преломляют кирпичные стены.
Слышу рев милицейской сирены,
нарезая по пустырям.

1997

Стихи уклониста Б. Рыжего

...поехал бы в Питер...

О. Д.

Когда бы заложить в ломбард рубин
заката,
всю бирюзу небес, все золото берез –
в два счета подкупить свиней с
военкомата,
порядком забуреть, расслабиться
всерьез.

Податься в Петербург, где, загуляв с
кентами,
вдруг взять себя в кулак и, резко бросив
пить,
березы выкупить, с закатом, с
облаками,
сдружиться с музами, поэму сочинить.

Александр Жолковский

- Инфинитивная поэзия трактует о некоей виртуальной реальности, которую поэт держит перед мысленным взором, о некоем “там”, в отличие от другого минималистского стиля— назывного, который рисует описываемое как имеющее место здесь и сейчас. Общий семантический ореол всего корпуса ИП - это, в неизбежно схематизирующей рабочей формулировке, “медитация о виртуальном инобытии”.

Александр Жолковский

Общий смысловой заряд инфинитивной поэзии это медитация об инобытии субъекта, транспорт или метаморфоза в иное (лучшее, худшее, идеальное, характерное, типовое). Инфинитивное письмо очень подходит для размышлений об альтернативных вариантах жизни.

Инна Лиснянская Под переплетом

(Если ты можешь проникнуть в мой сон, то смотри:)

Вспышки зари, одуванчиков фонари...

Я проживаю в книге, светящейся изнутри,

В книге зеленой, поющей каждым листком

И треугольно поставленной вверх корешком.

Так в ней поют письмена, что птицы живут тишком.

Полина Барскова Счастье

Душа хотела б быть горшком,
Вернее тем, что станет скоро
Горшком, — полешком, кочешком
Кроваво-бурой глины. Свора
Взбешённых пальцев глину — хватать!
И — раз! на колесо, на дыбу,
И начинает рвать и мять
Неподдающуюся глыбу.
Но, сжалившись или смекнув,
Что пряник действенней, чем кнут,
Подносит к гордой глине губку.
Сочится мутная вода,
И глина поддаётся: «Да...» —
В ладони, словно в мясорубку,
Вползая. Чавкает педаль,
Глаза закрыты. Под руками
Живая, тёплая печаль
Отдавшейся насилью ткани.

Но я не доктор Борменталь
И даже не Мария Шелли.
О палаче иль акушере
Речь не идёт. Гончар — тире —
Гончар и есть. Он только руки.
Он существует только в круге
Вертящемся. И в букваре
Не ходит дальше хмурой Буки.
Ему не нужен властный Ведь,
Не говоря уж о Глаголе.
Круг будет гнать, дышать, вертеть
Гончар, послушен низшей воле
Ножного привода. Гончар,
Как нелюбимый, но влюблённый,
Посредством примитивных чар
Вторгается в тугой, укромный,
Ещё насмешливый комок,
И тот, за кругом круг, помалу,
Доверившись его обману,
Преображается в горшок.
Движенье лески — завтра в пещь
Горшок отправится, как отрок.
И станет — Космос, то есть Вещь,
Полезная для злых и добрых.
2001

Федор Тютчев

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Иван Жданов

Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий
и гонит по стеклу безмолвный шум травы,
и млечные стволы хрипят в его пожаре,
на прорези пустот накладывая швы.

Мороз в конце зимы берет немую спицу
и чертит на стекле окошка моего:
то выведет перо, но не покажет птицу,
то нарисует мех и больше ничего.

Н. Славянский

«Понятно, что Морозом называет себя здесь стихийное начало, и пока есть его соотнесенность с пусть гадательным ощущением смыслового единства (без которого творчество и впрямь невозможно), целое спасается даже так: «На прорези пустот накладывая швы». У Жданова есть особая прелесть (если хотите, прельщенность риском) угадывания целого по части»

Иван Жданов

Что делать нам в стране, лишенной суесловья?

По несколько веков там длится взмах ветвей.

Мы смотрим сквозь себя, дыша его любовью,
и кормим с рук своих его немых зверей.

Мы входим в этот мир, не прогибая воду,
горящие огни, как стебли развода.

Там звезды, как ручьи, текут по небосводу
и тянется сквозь лед голодный гул дождя

Иван Жданов

Пока слова и смех в беспечном разговоре —
лишь повод для него, пока мы учим снег
паденью с облаков, пока в древесном хоре,
как лед, звенят шмели, пока вся жизнь навек
вдруг входит в этот миг неведомой тоскою,
и некуда идти, — что делать нам в плену
морозной тишины и в том глухом покое
безветренных лесов, клонящихся ко сну?

Станислав Львовский

жизнь могла сложиться совсем иначе
ну, не скворцом конечно.
но хотя бы, сказать, воробьём,
нахохлившимся на ветру
посреди пустого бульвара
ночью

не свистеть, нет, я плохо умею,
но хотя бы дрожать и плакать, –
просто потому, что кто-то решил
испечь
для тебя пирог с орехами,
сделать сюрприз.

*скоро мир станет таким
что мы не сможем его увидеть
скоро я стану таким
что на меня никто не посмотрит*

можно было быть нежным
и сильным
можно было богатым
и несправедливым

только речь оказалась
такой вещью
что никуда от неё не деться
пока она длится

а она длится